

Глава 1. Чэн Сяоцзя

Лу Юньпин выкурил в машине три сигареты, прежде чем Чэн Сяоцзя наконец показался из школьных ворот — рысцой добежал, рванул дверцу, плюхнулся на сиденье. Прижал ладони к обогревателю и принялся жаловаться с улыбкой:

— Такой холодище, а ты даже не мог во двор въехать. Я весь замёрз.

Лу Юньпин щелчком отправил окурок в окно.

— Неужели так холодно?

Чэн Сяоцзя энергично закивал — слова вырывались вместе с маленькими облачками пара:

— До смерти! Не веришь — потрогай.

С этими словами он нырнул к нему под бок. Лу Юньпин засмеялся и обнял его, скользнув свободной рукой под ворот толстовки — и с силой сжал. Ладонь была раскалённой; от прикосновения Чэн Сяоцзя вздрогнул всем телом. Подняв голову, он обнаружил, что глаза у него уже подёрнулись туманом. Лу Юньпин, будто ничего не заметив, убрал руку и потрепал его по щеке.

— Тёплый, как печка. Какой ещё холод.

Чэн Сяоцзя промолчал. Насупился, ткнулся лбом ему в щёку и звонко чмокнул. После чего выпрямился и довольно захихикал.

Ужинали во французском ресторане. Чэн Сяоцзя умял две порции креветок в сливочном соусе — прирастал к ним совсем недавно. Лу Юньпин западную кухню не особо жаловал и к блюдам со сливками был равнодушен. Он полез в карман, достал небольшую картонную коробочку и протянул через стол. Чэн Сяоцзя на секунду замер — и тут же просиял: логотип на крышке был ему знаком.

— О, я видел это в журнале!

Он завертел кошелек в руках, разглядывая со всех сторон. Мягкий свет ресторанных ламп отражался в его глазах — живые, блестящие.

— Главное, что нравится, — сказал Лу Юньпин.

Это была его неизменная присказка. Подарки он делал без всякой системы — не к праздникам,

а когда видел что-то подходящее. Разумеется, всегда что-нибудь дорогое: этот кошелёк он купил несколько недель назад во время поездки по Европе — в юанях вышло больше десяти тысяч.

Чэн Сяоцзя считал, что Лу Юньпин его балует, и охотно рассказывал об этом всем вокруг. Лу Юньпин был не против такой репутации. Деньги, вложенные в чью-то улыбку, казались ему выгодной сделкой — куда проще, чем тратить время на нежности.

— У меня тоже есть для тебя подарок, — подмигнул Чэн Сяоцзя.

Лу Юньпин потянулся было за сигаретой, покосился на ресторанный табличку и вместо этого лениво щёлкнул пачкой по его носу.

— Ну ты и выдумщик.

После ужина поехали, как обычно, на виллу в Синьгане — формально принадлежавшую Лу Юньпину, хотя на деле Чэн Сяоцзя проводил там куда больше времени.

Тот вытащил из ящика прикроватной тумбочки какой-то диск и поманил пальцем, но Лу Юньпин уже стоял в дверях ванной — без рубашки.

— Не сегодня. Надо помыться — утром командировка. Пораньше лягу.

Чэн Сяоцзя и ухом не повёл: пока тот был в душе, достал из шкафа свежие трусы и чистый халат, аккуратно положил перед дверью. Потом крикнул сквозь шум воды:

— Ты завтра в костюме?

Из-за двери донеслось что-то невнятное. Чэн Сяоцзя тщательно подобрал рубашку с галстуком и сложил вместе с пиджаком на диванчик в гардеробной.

Когда Лу Юньпин вышел, верхний свет в спальне уже не горел — только торшер отбрасывал тихий золотистый круг. Под одеялом что-то горбилось. Он на ходу вытирал волосы, подошёл и откинул край.

— Опять ты за своё...

Из-под одеяла смотрел мальчик — нежный, белокожий, такой белый, что у Лу Юньпина слегка поплыло в голове. На голове — ободок с тигровыми ушками, сзади — пушистый хвост. Чэн Сяоцзя запрокинул лицо вверх; у уголков губ карандашом для бровей были нарисованы чёрные усики. Смешной и дразнящий одновременно. Лу Юньпин на мгновение потерял дар речи. В тишине Чэн Сяоцзя изгибался и тихонько мяукал — застенчиво, сладко.

Лу Юньпин бросил полотенце. Взял его за подбородок и медленно потянул к себе. Чэн Сяоцзя пополз навстречу — при каждом движении ушки на голове мелко подрагивали, хвост покачивался. Лу Юньпин наблюдал за ним с привычным полуулыбчивым прищуром. Где-то внутри холодный трезвый голос ворчал: неужели эти детские игры тебе до сих пор не надоели? Но тело отзывалось охотно, без колебаний: нравится, ещё как — хоть до восьмидесяти лет.

Он сглотнул. Это молодое тело он любил. И его красивого, покладистого хозяина тоже — спокойно, без жадности, без тревоги; не стремясь захватить и не подавляя себя.

Чэн Сяоцзя тоже изучал его снизу вверх — с той же привычной внимательностью. Этот человек был рядом каждый день, и всё равно не поддавался. Иногда казалось — прочитал насквозь. Чаще — ни малейшего понимания. Вот и сейчас: Чэн Сяоцзя чувствовал всё — каждый исходящий от него сигнал — но глаза смотрели ровно, с неизменной полуулыбкой, и от этого внутри становилось как-то беспокойно.

Первым тишину нарушил Лу Юньпин:

— Это и есть твой подарок на сегодня?

<http://bllate.org/book/17478/1691734>